

Новые землевладельцы пореформенной России

Сергей Атава и Александр Энгельгардт – два выдающихся публициста пореформенной эпохи. Оба – помещики, близко знакомые с жизнью в провинции. Оба – потомственные дворяне, способные критически посмотреть на собственное сословие.

Их отношение к жизни весьма различно; тем интереснее найти общее в их текстах. В чём сходятся суждения Атавы и Энгельгардта по вопросу о пореформенном землевладении?

С. Атава (С.Н. Терпигорев) о дворянском оскудении Из главы III "Новый барин"

Тогдашний представитель города, купец, так же мало походил на теперешнего купца, как теперешней оципаный помещик походит на прежнего помещика. Товар свой, хлеб и проч., мы к купцу в город для запродажи не возили тогда, как теперь. «Купец» сам к нам приезжал, и приезжал не так, как теперь, а скромно, на беговых дрожках или в тележке.

<...> На «купца» смотрели не то чтобы с презрением, а так, как-то чудно. Где, дескать, тебе до нас! Такой же ты мужик, как и все, только вот синий сюртук носишь, да пообтесался немного между господами, а посадить обедать с собой вместе все-таки нельзя: в салфетку сморкаешься.

Не знаю, понимали ли, или, лучше сказать, чувствовали ли «купцы», что на них так «господа» смотрят, но если и понимали, они этого все-таки не показывали. Они делали свое дело, покупали и продавали, садились на ближайший стул от двери, вставали с него каждую минуту, улыбались, потели, утирались, будучи совершенно не в состоянии попятить наших рассуждений о политике и всякой чертовщине, составлявшей предмет наших бесконечных рассуждений, как только мы, бывало, съедемся. Не будет ошибкой, если мы допустим, что, слушая наши рассуждения о том, что предпримет Наполеон и какие планы у Пальмерстона, и наслушавшись утром у прикащика его рассказов о той путанице и бестолковщине, какая идет у нас в хозяйстве, они думали: э-эх, далось им в руки сокровище земля, да еще работники к ней даровые, а они, вместо дела, чертовщину несут!

Таковы были взаимные отношения города и деревни вплоть до 19-го Февраля.

Тут все сразу изменилось.

<...> Всем нам в это время до заразу нужны были деньги. А деньги были у «купца». Надо, стало быть, за ними обратиться к «нему». Мы обращались, и «он» давал. Сначала, сгоряча, эту податливость его и ту охоту, с которой «он» давал нам деньги, мы приняли было за дань его уважения и благодарности к нам, так как «ведь он от нас же нажился», но эти идиллические взгляды на «кулака» продержались очень не долго. Подугольников дал раз, два, три, подождал и порядочно таки подождал, да вдруг и приехал сам.

Хотя этот раз, по-прежнему, его дальше кабинета не пустили, но он уже сам попросил, чтобы подали ему водочки, и спать на ночь к управляющему во флигель не пошел, а спал в кабинете на диване.

Утром же, вставши чуть ли на заре, обошел и осмотрел все хозяйство, обо всем расспросил и хотя, уезжая, склонился на просьбу и дал еще денег взаймы, но это был уже не тот, не прежний Подугольников, который, бывало, только потел и утирался.... А когда он приехал еще следующий раз, то его не только пришлось опять положить спать в кабинете на диване, но надо было позвать обедать в столовую, строго-настрого приказав детям не смеяться, если Подугольников станет сморкаться в салфетку.

Конец едва ли надо рассказывать. Он так понятен и естествен. Он должен был оказаться именно таким, катим он и вышел, т. е. Подугольников должен был «слопать» нас и – слопал.

Таким образом, руки, подхватившие Осиновки и Ивановки, которые мы «бросали» на аренду или вовсе на «вечные времена», были в начале руки по преимуществу купеческие. Мне, конечно, нечего говорить, что здесь все время под общим именем купца я разумею и кулака-мещанина, и кабатчика, и пр.

Что же начали делать эти руки, когда они подхватили Осиновки и Ивановки?

Из двух прошлых моих очерков и из того, что я буду сейчас дальше говорить, читатель, конечно, видит и увидит, что я вовсе не апологет старого строя: но из этого не следует, что я обязан восторгаться новым деревенским строем, если вижу, что на смену одного безобразия являлось другое, и Бог весть еще, которое из них хуже и ядовитее. Помещик, лишенный крепостного права, на самый худой конец, был только бесполезный человек. «Купца», в том смысле, какой он

постарался присвоить себе «заявившись» Осиновкой или Ивановкой, мало назвать бесполезным. И потом еще: пятнадцать лет назад, у всех владельцев этих Осиновок и Ивановок вы наверно встретили бы и газеты, и журналы, увидели бы и гравюры, услышали бы и рояль, и спать бы вы легли на чистое белье. Теперь, когда поселились купцы 2-й гильдии, Подугольников и кабатчик Лугов, кроме вонючей солонины, тешки севрюжкой, водки и позеленевшего самовара, вы ничего не найдете. Поэтому я и не думаю, чтобы в данном случае отечественный прогресс что-либо выиграл от такой замены.

Читатель известного закала, пожалуй, готов уж погладить меня за это по головке, в надежде, что я вот-вот сейчас начну сетовать, отчего «не поддержали вовремя помещиков».

Нет, дорогой мой, нельзя было. Еще не было такого примера, чтобы то, что не имеет в самом себе живой силы, будучи поддержано, оживилось и окрепло. Мы изуродовали себя своим образованием и воспитанием, и, повторяю, такой силы нет, которая могла бы нас поднять на ноги и спасти. Кроме нас самих, нас никто не спасет и спасти не может.

Не дождавшись, когда бывший владелец Осиновки выйдет окончательно и навсегда из своего гнезда, Подугольников уже начал в него перебираться. Приехали «молодцы», прикащик приехал, какой-то «родственник». Хотя и глуп он, но «дяденькинова» добра не растратит; у него и ключи.

На другой же день по приезде, вся эта честная компания начала свою деятельность. Один «молодец» съездил в деревню, выставил у кабака «четверть», угостил «стариков», поднес молодым, и деревня прислала даром десять подвод, на которых Подугольников и отправил в город всю ту рухлядь, которую он купил вместе с Осиновкой. «Родственник», между тем, тоже не дремал и успел загнать одного борова крестьянского, который зашел на бывший господский выгон и начал там что-то рыть носом, и потом загнал еще быка из мужицкого стада, который, увидав бывших господских коров, а ныне принадлежащих Подугольникову, не утерпел и прибежал к ним на свидание. И борова, и быка вечером мужики выкупили. Таким образом, в первый же день, на первых, можно сказать, порах, было получено уже «доходу» около красенькой. Что же дальше-то будет, если хорошенько ко всему присмотреться?

И действительно, доходность имения увеличивалась с каждым днем все в том же вкусе. Так, например, на краю усадьбы, как раз возле проезжей дороги, стояла довольно просторная изба и в ней жили ни на что не нужные три старика: бывший дядька прежнего владельца, слепой доезжачий и разбитый параличом буфетчик.

– Это вы, старички, уж к своему барину идите, а мне эта изба самому нужна.

– Да куда же, милостивый купец, мы пойдем к барину нашему, когда и сам он на ветру остался?

– Ну, это уж не мое дело, а изба мне нужна, и вот вам неделя срока на очистку ее.

И в самом деле, через неделю над избой висела на палке грязная тряпка, а над теми окнами, что выходят на дорогу, была прибита вывеска с надписью: «Питейный дом». А так как кабак был за две версты от деревни, и водка там была дороже, чем у Подугольникова, то «мужички» и стали ездить за ней «на барский двор», чем, кроме оживления ландшафта, приносили и несомненный доход «новому барину».

И много таких усовершенствований Подугольников ввел в «запущенном» имении, и все эти усовершенствования и нововведения его ничего, кроме выгоды, не давали. Все, мало-помалу, приняло, и даже довольно быстро, совершенно другой вид. Сад и парк были вырублены и распаханы плугами под бахчи. Та же самая участь, разумеется, постигла и огороды с парниками, и цветник, чёрт знает для чего занимавший почти десятину земли. Дом был сломан и перевезен в город, где его опять собрали, оштукатурили, покрыли, выкрасили и пустили туда жильца, а сам Подугольников, для «летнего приезда», оставил себе флигель, в котором до него жили гувернер-немец и семинарист Скворцов, преподававший детям «русские предметы».

Сергей Атава (С.Н. Терпигорев). Оскудение. "Благородные".

Том 1. Отцы. СПб, 1882. С. 101–110.

("Электронная Ленинка": <http://sigla.rsl.ru>)

А.Н. Энгельгардт об отрезках и отработках

(из письма седьмого, 1879 г.)

Что крестьяне наделены недостаточным количеством земли, что они обременены налогами, это несомненно. Точно так же несомненно для меня, что это затеснение крестьян, не принося пользы землевладельцам, наносит огромный вред государству, потому что огромные пространства земель остаются теперь непроизводительными, необработанными, а труд, который употребляется на

обработку остальных земель, вследствие неразумного его приложения, не приносит того, что мог бы приносить. Мы бедны, все у нас идет ни так, ни сяк, денег нет, а между тем поезжайте, посмотрите, какие пространства лежат необработанными, заросшими лозняком и всякой другой дрянью. Но вот что главное, эти не бывшие еще в культуре земли содержат в себе массы питательного материала, и при самой поверхностной, грубой обработке могут дать огромные богатства. Но кто же, кроме мужика, может извлечь эти богатства?

И я, деревенский хозяин, и исправник, выбивающий недоимки, и комиссии, исследовавшие причины несостоятельности крестьян, не можем не видеть, что крестьяне наделены недостаточным количеством земли, так что даже уменьшение налогов будет только паллиативной мерой.

Первое, что бросается в глаза, это то, что во многих деревнях крестьяне получили в надел *менее* того количества земли, какое у них было в пользовании при крепостном праве. Вся лишняя за указанным наделом земля была отрезана во владение помещика и составила так называемые *отрезки, зацепки, зацепные земли*. Где есть отрезки, там и крестьяне беднее, и недоимок более. Очень часто можно видеть, что деревни, даже не имеющие полного надела, но получившие то количество земли, каким они пользовались при крепостном праве, живут зажиточнее, чем те деревни, которые, хотя и получили полный надел, но у них были отрезки. От этого же случается иногда видеть, что крестьяне, которые хорошо жили при крепостном праве, теперь обеднели, а те, которые были при крепостном праве бедны, теперь живут лучше.

Это совершенно понятно. Ясно, что при крепостном праве помещик, особенно если у него не было недостатка земли, оставлял в пользовании крестьян такое количество земли, которое обеспечивало бы исправное отбывание повинностей по отношению к помещику и казне. Если в пользовании крестьян было много земли, то это значит, что или земля нехороша, или не было у крестьян хороших лугов, недостаток которых нужно было наполнить плохими пустошами, или деревня лежала отдельно, не в связи с господской запашкой, окруженная чужими землями, так что нуждалась в выгоне. При наделении крестьян лишняя против положений земля была отрезана, и этот отрезок, существенно необходимый крестьянам, поступив в чужое владение, стеснил крестьян уже по одному своему положению, так как он обыкновенно охватывает их землю узкой полосой и прилегает ко всем трем полям¹, а потому, куда скотина ни выскочит, непременно попадет на принадлежащую пану землю. Сначала, пока помещики еще не понимали значения отрезков, и там, где крестьяне были попрактичнее и менее надеялись на "новую волю", они успели приобрести отрезки в собственность, или за деньги, или за какую-нибудь отработку, такие теперь сравнительно благоденствуют. Теперь же значение отрезков все понимают, и каждый покупатель именины, каждый арендатор, даже не умеющий по-русски говорить немец, прежде всего смотрит, есть ли отрезки, как они расположены и насколько затесняют крестьян. У нас повсеместно за отрезки крестьяне обрабатывают помещикам землю - именно работают круги, то есть на своих лошадях, со своими орудиями, производят, как при крепостном праве, полную обработку во всех трех полях. Оцениваются эти отрезки - часто, в сущности, просто ничего не стоящие, не по качеству земли, не по производительности их, а лишь по тому, насколько они *необходимы* крестьянам, насколько они их *затесняют*, насколько возможно *выжать* с крестьян за эти отрезки. Понятно, что все это зависит от множества разнообразных условий.

Добро бы еще эти отрезки сдавались крестьянам за арендную плату деньгами, а то нет - непременно под работу. И что всего нелепее, очень часто вся эта работа не приносит помещику, вследствие его неумелого хозяйства, никакой пользы, и бесплодно для всех зарывается в землю. В нашей местности я один только пример и знаю, что крестьяне платят за отрезки деньгами, да и то только потому, что имение находится в аренде у купца, который хозяйством не занимается и в крестьянской полевой работе не нуждается. И опять-таки, пускай и работой платят за отрезки, если бы крестьяне за отрезки производили какие-нибудь осенние, зимние или весенние работы, а то нет, - каждый норовит, чтобы за отрезки работали круги, да еще с покосом, или убирали луг, жали хлеб, то есть производили работу в самое дорогое, неоценимое по хозяйству, страдное время.

Выше я старался разъяснить, какое значение имеет для земледельца страдное время, с 1 июля по 1 сентября, и как для него важно в это время работать на *себя*, потому что это страдное время готовит на весь год. А тут за отрезки мужик должен работать на пана самое дорогое время.

---

¹ При трёхпольной системе земледелия – яровой, озимый посев и пар.

Из письма девятого (1880 г.)

Таким образом между помещичьими и крестьянскими хозяйствами идет постоянная борьба, и, где крестьяне одолевают, там благосостояние их увеличивается, и помещичьи хозяйства, часто к *выгоде помещиков*, вытесняются. Да, к *выгоде*, потому что, вместо того, чтобы вести не приносящее дохода хозяйство, помещик тогда *сдаёт свои земли в аренду крестьянам* и получает более, чем он получал, когда вел хозяйство, при котором доход поглощался содержанием приказчиков и администрации.

Но куда помещик ведет хозяйство, он вынуждает крестьян работать в этом хозяйстве. И мужик, оттесненный выгонами, недостатком земли, в ущерб себе, работает у помещика. И тот и другой теряют: один мало получает за землю, другой мало получает за труд.

Мужик угнетен, мужик бедствует, мужик не может так подняться, как он поднялся бы, если бы он не должен был попусту работать в глупом, пустом, бездоходном помещичьем хозяйстве и мог бы арендовать или, еще лучше, купить ту землю, которую он *бесполезно болтает* у помещика. С другой стороны, и помещик от своего хозяйства не имеет дохода - все помещики справедливо жалуются на бездоходность хозяйств - потому что выработанный мужиком доход идет на содержание администрации, орды не работающих, презирающих и труд, и мужика, дармоедов, из которых, когда они наживутся, выходят кулаки, теснящие народ. Кому же тут выгода? Никому, кроме будущих кулаков.

Труда мужицкого тратится пропасть вследствие неразумной эксплуатации земли и неправильного приложения, труд этот теряется бесполезно, зарывается в землю, а если что и вырабатывается, то идет не тому, кто работает, и даже не тому, кто считается владельцем земли, а постороннему, не работающему человеку.

Из письма десятого (1880 г.)

Для лучшего объяснения, как это совершилось, что в "Счастливом уголке"² мужик за десять лет поправился так, что даже в нынешнем году не бедствует, я расскажу подробно о положении нескольких деревень.

Вот деревня Д. - Построена деревня около мерзкой болотистой лужи, в которой можно только скот поить. Воду для питья и варки кушанья крестьяне возят за две версты из соседней деревни. Лугов в наделе нет, лесу нет, полевая земля плохая, *отрезки*, отошедшие барину, врезались в самые крестьянские наделы, господский лес прилегает к наделам и местами врезывается в них. Скотину выпустить некуда, кроме своего пара, да и то гляди в оба, сейчас попадет или на господские отрезки или на пустоши соседних помещиков. Недалеко, верстах в пяти от деревни, идет железная дорога и находится небольшой полустанок, с которого отправляют лес и дрова.

При крепостном праве деревня Д. была одна из беднейших в округе. Помещик, говорят, был зверь - полицмейстером в старые года где-то служил, можно, значит, представить себе, что за птица, - запашки имел огромнейшие, мучил на работе, крестьяне из пушного хлеба³ не выходили. После "Положения" хотя и полегчало, но все-таки еще десять лет тому назад, когда я приехал в деревню, крестьяне Д. были очень бедны, *ели пушной хлеб*, недоимок было много, скота и лошадей мало, постройки плохие, деревня была одна из беднейших в "Счастливом уголке". Чтобы иметь свободный выгон для скота, чтобы пользоваться отрезками, вообще господскими землями, прилегающими к их наделам, не трогая, разумеется, леса, крестьяне Д. работали у своего помещика в имении, отстоящем верст на 5 или на 6 от деревни, круги за деньги и косили заливной помещичий луг.

Помещик сам в деревне не жил, хозяйствовал староста. Хозяйство велось обыкновенным порядком: сено стравливалось скоту, который содержался для навоза⁴, поля удобряли, но хлеб родился плохо. Земли пахалось только незначительная часть против того, что пахалось при крепостном праве, остальная была запущена, заобложила, занялась лесною порослью. За всеми расходами помещик имел самый ничтожный доход, и затесненные крестьяне лишь втуне болтали землю. Крестьяне Д., несмотря на то, что поблизости прошла железная дорога, которая дала заработок, когда в округе стали резать дрова, поправлялись туго, и если поправлялись, то не столько от того, что дорога давала заработок, сколько от того, что *занимались* лядами, снимали у *оскудевших* помещиков с половины годные для ляд леса, рубили с половины дрова, жгли ляды и

² Так автор именуется несколько близлежащих к нему деревень, хозяйство которых знает досконально.

³ Пушной хлеб – невкусный, дешёвый хлеб, какой едят только от бедности.

⁴ То есть, дохода собственно от скотоводства не было.

сеяли с половины пшеницу. С этих-то ляд, с этой-то пшеницы крестьяне стали заправляться - свою половину пшеницы с ляд крестьяне получали снопами и везли к себе домой и зерно и солому, пшеницу продавали, а солома и мякина шли скоту.

Несколько лет тому назад помещик продал свой лес на сруб на значительное число лет с тем, что покупатель в течение этого времени может пользоваться и землею под лесом. Крестьянам это было на руку. Явились, во-первых, домашние зимние заработки по резке и перевозке дров у себя подле самой деревни, явились заработки по нагрузке дров в вагоны на станции. Но это еще не все. Главное, что лесоторговец купил лес на сруб в года, с правом рубить лес, когда вздумает, и пользоваться землей в течение всего времени, на которое куплен лес. Но что же будет делать с землей лесоторговец? Разумеется, он сдал ее под ляда крестьянам и не с половины, а за известную плату, и притом не деньгами, а зимними работами по вывозке дров и т.п. И лесоторговцу выгодно и крестьянам отлично - каждому свое. Крестьяне за вывозку известного количества дров зимою - а возка близкая, так что ежедневно, отвозя дрова, возвращаются ночевать домой, - получили право распоряжаться землей из-под срубленного леса. По вывозке дров, крестьяне жгли сучья и лом - дров для себя покупать им, конечно, не приходится - и сеяли по лядам пшеницу и ячмень. А как родится к году ячмень на лядах! Я знаю случай, что крестьянин посеял на ляде 9 мер ячменя и намолотил 15 кулей - ну, и богач, значит, с хлебом и кормом для скота. По снятии хлеба крестьяне пользуются лядами несколько лет для покоса и выгона скота. Жаль только, что крестьяне *не дошли* еще, чтобы на лядах по хлебу сеять клевер с тимофеевкой, которые рождаются превосходно по лядам и дают отличнейшие укусы, так что на первый же год, несмотря на неудобство косить на свежем ляде, за множеством сучьев, пеньков, отростков, у меня посеянный на лядах клевер с тимофеевкой крестьяне охотно берут косить из половины.

Вскоре после продажи леса помещик все имение сдал в аренду купцу-лесопромышленнику. Купец взял имение вовсе не для того, чтобы вести хозяйство, так как он исключительно занимается лесною торговлею, а как центральный опорный пункт для конторы, да к тому же расчел, что, не занимаясь хлебопашеством, сдавая в аренду покосы и земли крестьянам, он все-таки не останется в убытке. Скот он сейчас же продал и получил капитал, который можно на все время, пока длится аренда, пустить в оборот. Заливные луга стал запродавать желающим на скос. Хлебопашество почти уничтожил и стал сдавать земли в аренду крестьянам под посевы льна и хлеба. Отрезки сдал в пользование крестьянам за известную с их стороны плату *зимними работами*.

Таким образом крестьяне Д. сделались *совершенно свободными*, им уже не нужно за отрезки убирать помещичьи луга и обрабатывать землю. *Все лето они работают на себя*. Имея лето свободным, они сеют хлеб на лядах, снимают покосы и заготавливают много сена для своих коней и скота, берут в аренду земли под лен. Зимою они работают в лесу, возят дрова, грузят вагоны. В несколько лет деревня стала неузнаваема: крестьяне обстроились, завели больше коней и скота, последнее время стали даже улучшать скот и покупать у меня заводских холмогорских телят - и акциз на соль еще не был отменен, а крестьяне стали улучшать скот! - стали лучше удобрять землю. Что же тут действовало? Ничего больше, кроме того, что крестьяне *получили возможность работать* летом на себя, не обязаны теперь попусту болтать землю у помещика и имеют отрезки и выгоны за денежную плату или за зимние работы. Прекращение купцом, заарендовавшим помещичье имение, полевого хозяйства имело благотворное влияние не только на крестьян Д., но и на крестьян других, соседних деревень. Купец сдает заливные луга на скос, берут эти луга крестьяне разных деревень и сено свозят к себе, сеном кормят скот и коней, получают навоз, которым удобряют свои наделы. Купец сдает пахотные земли крестьянам под посевы льна и хлеба, крестьяне увозят к себе лен и хлеб в снопах.

По окончании срока аренды помещик уже не в состоянии будет возобновить прежнее хозяйство, во-первых, потому, что хозяйство уже будет опущено: скот нужно вновь заводить, постройки ремонтировать, а во-вторых, *главным образом*, потому что *заправившихся* крестьян *нельзя будет ввести в оглобли*. Да и к чему помещику заводить прежнее хозяйство, которое, как справедливо жалуются все помещики, не дает дохода и только стесняет крестьян? К чему это хозяйство для хозяйства, хозяйство, не дающее дохода и только мешающее развитию крестьянского хозяйства? Кому от этого хозяйства польза? Помещик жалуется, что хозяйство не приносит дохода, мужик затеснен, обязан производить бесплодную работу на помещичьем поле, мужик бедствует, недоедает и в недоимках. Я никак не могу понять этих, так ясно выраженных некоторыми гласными в прошлогоднем смоленском земском собрании, сетований на то, что если

крестьяне получают кредит для покупки земель, то, приобретая необходимые для них отрезки и выгоны, они заправятся и не станут работать в помещичьих хозяйствах. Сами же говорят, что хозяйничать невыгодно, что хозяйства не приносят дохода, а между тем непременно хотят вести эти хозяйства, хотят, чтобы крестьяне были затеснены для того, чтобы нужда заставляла их бесполезно болтать землю в этих не приносящих дохода хозяйствах! <...>

А.Н.Энгельгардт. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М., 1956.
<http://www.hist.msu.ru/ER/Text/ENGLGRDT/>
(Проект: Электронная библиотека Исторического факультета МГУ)